

Л. А. Гаврилов
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОГО

АННОТАЦИЯ. Сравнение научного и политического дискурсов имеет целью выявить когнитивный диссонанс, существующий в их содержании и функциях. Если субъект научной информации, выступая как выразитель объективно существующих качеств и закономерностей, адресует свой текст квалифицированным специалистам в определенной области знаний, то субъект политической информации реализует в своем тексте функцию воздействия определенных политических кругов на адресата. В результате, если в научном дискурсе преобладает рациональная оценка явлений и фактов, а сам автор стремится к полной объективности в выражении своих мыслей, в политическом дискурсе (в статье есть соответствующие примеры) адресант сознательно отступает от объективной истины и даже в ряде случаев манипулирует сознанием адресата, если это соответствует его политическим целям. Именно поэтому сегодня в политическом дискурсе доминируют языковые знаки, выражющие не прямые предметно-логические значения, а образно-метафорические, отражающие политическую действительность образно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адресант; адресат; научный дискурс; политический дискурс; функция воздействия; категория оценки; когнитивный диссонанс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилов Лев Алексеевич, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Военного университета Министерства обороны РФ; 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. ¾; e-mail: Lieutenant-chef@ya.ru.

В соответствии с концепцией Е. В. Сидорова мы понимаем под дискурсом речевую коммуникацию как «онтологически относительно самостоятельное явление», выполняющее социальную функцию «по организации социального взаимодействия людей речевыми средствами» [Сидоров 2009: 6]. В этой связи при анализе дискурса важно определить особенности производства текстов, их смысловое содержание, а также их восприятие и понимание адресатом с учетом фоновых знаний последнего в определенном социальном пространстве.

Наша работа посвящена сопоставительному анализу политического и научного дискурсов. Последний объединяет в сознании адресанта и адресата компоненты, способные влиять на особенности порождения и восприятия текста научного характера. В число таких компонентов входят объективность, логическая доказательность и последовательность изложения содержания. На примере текстов, относящихся к научному дискурсу, можно увидеть целенаправленный и целеобусловленный характер реализации языковой системы, на которую также влияют и такие факторы, как тематика и частные задачи сообщения, знания и способности, квалификация и опыт, взгляды и убеждения, эрудированность и речевые навыки автора текста и, наконец, необходимая для понимания текста рецептивная компетентность адресата, сознательно или бессознательно учитываемые адресантом [Гаврилов 2004: 134].

Научные тексты обладают, как правило, ограниченной коммуникативностью и предназначены для специалистов соответствующего научного профиля. Человеку, далекому, например, от физики, лингвистики или какой-либо другой науки, даже формулиров-

ки названий, не говоря уже о сути работ в этих областях, понять затруднительно.

Характер текста, относящегося к научному дискурсу, конечно, позволяет адресату однозначно понимать имеющуюся в нем научную информацию, но, с другой стороны, в определенной мере и затрудняет этот процесс. Информационная насыщенность и сложность текста вряд ли могут доставить читателю эстетическое удовольствие, зато они всегда будут требовать от него большой умственной работы и прежде всего сосредоточенности и мобилизации интеллектуальных усилий.

Отметим в этой связи, что поток информации, циркулирующий в политическом дискурсе, лишь отчасти определяет значимость описываемых событий. Как отмечает В. Т. Третьяков, это происходит потому, что он состоит «на 80—90 % из так называемого информационного шума, лишь сопровождающего события, но не определяющего и даже не раскрывающего их сути...» [Третьяков 2015: 478].

В подтверждение этого тезиса приведем следующий пример. Примерно год тому назад перед визитом в Италию В. В. Путин дал интервью двум итальянским журналистам. «Комсомольская правда» посвятила ему целую страницу. Однако о содержании ответов нашего президента интервьюерам в газете почти ничего не было сказано. Зато подробно были описаны носки журналистов (они были красные) и приводилось много доводов в пользу того, что скоро и мы с вами также будем ходить в красных носках.

В процессе производства текстов адресант, как правило, взаимодействует с другими участниками научной коммуникации, либо полемизируя с ними, либо опираясь на полученные от них определенные сведения, необходимые ему для разработки исследуемых в тексте проблем. Более того, излагая

результаты собственных научных исследований, адресант дает им оценку не только с позиций, занимаемых им самим, но сопоставляя ее с другими мнениями, взглядами, концепциями, позициями [Ноткина 2009: 118].

Использование в научном тексте сведений, которые уже содержались в других источниках, действительно помогает субъекту текста ввести в научный обиход новые знания, которые «всегда связаны с изменением энтропических уровней, то есть со снижением неопределенности при решении, со снижением риска, с повышением качества тех шагов, которые опираются на полученную информацию» [Тондл 1975: 391].

Подобное заимствование сведений и оценок, с одной стороны, обогащает семантико-информационное содержание текста, а с другой — помогает адресату осмысливать новые знания, содержащиеся в этом тексте.

Синтаксис научного текста отвечает задаче логически и последовательно излагать материал, что делает само изложение более сложным для понимания и не всегда способствует его лаконичности. В то же время терминологическая лексика научного текста, хотя и обеспечивает объективность и точность, вместе с тем в ряде случаев может приводить к определенной стилистической монотонности, превращать научный текст «в набор словесных клише» [Будагов 1967: 244]. Что же касается адресанта научного текста, то, как правило, никаких сведений субъективного или иного характера о нем в тексте не приводится. По сути дела, мы судим о личности ученого по значимости его работы, в которой он своеобразно обезличен. Такая обезличенность позволяет автору текста добиваться максимальной точности и объективности системы доказательств и избегать совсем не нужной и даже вредной в научной прозе аффективности.

И напротив, адресант политического текста почти всегда в нем присутствует. Реализуя коллективно-регулятивную функцию, он, как правило, выступает как представитель определенных политических или общественных кругов, позиции и взгляды которых он выражает или защищает. В результате освещение политических вопросов «персонифицируется, сводится к лицу одного человека. И поэтому влияние авторитетных людей во всех областях „общества спектакля“ становится ключевым. Влияние этих людей на массы, которые не имеют другого доступа к информации, высочайшее» [Кьеza 2016].

Отметим также еще и то, что политический дискурс объединяет все присутствующие в сознании адресанта и адресата компоненты, способные влиять на характер порож-

дения и восприятия текста. К ним обычно относят политические взгляды автора текста и задачи, стоявшие при его создании, представления адресанта о затрагиваемой в тексте политической обстановке, а также и о вероятном адресате и некоторых знакомых по-следнему текстах, которые должен учитывать отправитель сообщения [Чудинов 2008: 41].

По-разному в научном и политическом дискурсах проявляет себя функция выражения абстрактного. Если в научном дискурсе она предназначена прежде всего для передачи знаний в действительности от адресанта к адресату с опорой на доказательства их истинности, то в политическом дискурсе абстрактное часто используется совсем иначе. Многие абстрактные слова (свобода, демократия, коммунизм и т. п.) неодинаково понимаются сторонниками различных политических взглядов, которые вкладывают в них часто не только разный, но и противоположный смысл. Однозначности не способствует и проникновение в политический дискурс несколько расплывчатых абстрактных понятий, характерных для паранаучных идей, астрологии, оккультизма и т. п.

Политический дискурс рассчитан на большую и недифференцированную аудиторию и всё время должен обеспечивать понятность, доходчивость передаваемых сообщений. Именно поэтому последние необходимы постоянно приспосабливать к наиболее общим речевым навыкам адресата. В результате политический дискурс оказывается под воздействием одних и тех же факторов, которые видоизменяют содержание и форму подачи материалов в соответствии с потребностями и мотивами деятельности адресанта. «Соответственно возникает единство освещения, объединения, подачи, оформления и т. д. ...Характер этого единства увязывается по всем статьям с соотношением интеллектуального и эмоционального начал: будничность и интересность вплоть до сенсационности, глубина и общедоступность, точность и всеобщность, сообщение и убеждающе-организующая действенность и т. д.» [Костомаров 1974: 53].

Все эти факторы необходимо учитывать адресанту для воздействия на аудиторию, для того, чтобы она разделяла выдвигаемые им положения, а в идеале — их и поддерживала. Всё это позволяет, как отмечал ещё Э. Бернейс, держать общество «под постоянным, массированным контролем» [Бернейс 2010: 4]. Именно благодаря такому контролю и осуществляется «управление (вплоть до манипулирования) поведением и инстинктами общества (масс населения) со стороны власти имущих, правящего класса, государ-

ства» [Третьяков 2015: 151]. Эта функция политического воздействия, или функция управления, является важнейшей в политическом дискурсе и часто оказывается удивительно сильной. Например, в начале 1996 г. рейтинг доверия избирателей у президента Б. Ельцина был очень мал. У любого более или менее известного российского политика он был на порядок выше. «Однако правящий класс решил оставить в Кремле на второй срок именно Ельцина. Как этого удалось добиться? Только получив в союзники (вольные или невольные, идейные или корыстные) большинство журналистов» [Там же: 154].

Отметим также, что информированность адресата, несмотря на доступность средств массовой информации, часто оставляет желать лучшего. Дело в том, что политический текст в ряде случаев отличается ограниченной коммуникативностью, которая выражается в том, что доходящая до адресата информация носит избирательный, неполный характер. Адресант намеренно «фильтрует» информацию с тем, чтобы последняя способствовала формированию только такой картины мира у адресата, которая максимально отвечала бы представлениям и задачам самого адресанта. Одновременно всячески скрывается альтернативная информация, не отражающая точку зрения адресанта и стоящих за ним политических кругов. Так, на Украине всячески скрывался факт соучастия Н. Савченко в убийстве российских журналистов, а судебное разбирательство этого преступления использовалось для обвинения России в нарушении Минских договоренностей и как повод для нападения украинских «патриотов» на российское посольство в Киеве.

Ограниченнная коммуникативность широко использовалась советским руководством в годы Великой Отечественной войны, чтобы оградить советских людей от фашистской пропаганды. Именно с этой целью в начале войны владельцам радиоприемников пришлось их сдать на временное хранение. После войны их вернули. Возможно, сегодня такой шаг властей рассматривался бы как нарушение прав потребителя, но в военное время к нему отнеслись с пониманием. По крайней мере, у нас в семье по этому поводу не роптали.

Одним из образцов манипулирования сознанием была немецкая листовка, распространенная в 1944 г. на территории Украины, содержанием которой был приказ, написанный якобы Л. П. Берия и Г. К. Жуковым, — «О высылке в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов» [Терещенко 2012: 317]. Органы контрразведки делали всё воз-

можное для того, чтобы ограничить распространение этой листовки среди мирного населения и особенно среди военнослужащих Красной армии. Ведь даже сама мысль о переселении украинцев была бы диверсией, подрывающей морально-психологическое состояние бойцов и командиров нашей армии. Тем более что, по некоторым данным, 25 % ее личного состава составляли именно украинцы [Там же: 319].

Освещение актуальных политических событий в научном и политическом дискурсах отличается определенной спецификой. Так, в некоторых гуманитарных науках, например, таких как история или политология, сам предмет исследования чрезвычайно сложен и во многих своих аспектах не поддается описанию в измеряемых категориях. Переплетение множества причин и следствий позволяет ученому проводить исследование часто лишь фрагментарно, что приводит в ряде случаев к появлению более или менее субъективных трактовок. В ряде случаев поднятые в научном дискурсе проблемы исследуются и в политическом дискурсе.

Несмотря на общность затрагиваемых вопросов, тексты в обоих дискурсах будут серьезно различаться, во-первых, по характеру используемых лексико-синтаксических средств и, во-вторых, по способам представления текста адресату. Если в научном дискурсе адресант будет стремиться доказывать адресату выдвигаемые положения, демонстрируя их истинность, то в политическом дискурсе адресант будет поддерживать или опровергать определенные положения, исходя из соображений политического или иного характера или даже из собственных политических интересов.

Рассмотрим эти различия на следующем примере. 1 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском Институте истории РАН была защищена докторская диссертация К. М. Александрова на тему «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России». В своем исследовании автор опирался на впечатляющий список литературных и архивных источников в России и за рубежом, а сама диссертация оказалась весьма внушительной по объему — 1136 страниц. После защиты диссертации появились статьи, в которых К. М. Александров обвинялся в субъективных трактовках власовщины, в научной фальсификации и фактическом оправдании предательства власовцев в виде отнесения ее к форме социального протesta.

Выступая в прениях на защите диссертации, А. И. Суббетто даже заявил: «Считаю, что если диссертационный совет Санкт-

Петербургского Института истории проголосует позитивно за это диссертационное исследование, то это будет удар по достоинству отечественной исторической науки в современной России» [Субетто 2016], а М. Хозин увидел в диссертации К. М. Александрова беспрецедентную попытку «научно» легитимировать власовщину и коллаборационизм вообще в качестве «формы социального протеста» [Хозин 2016].

Случай, когда отечественная история получает невероятные искажения, к сожалению, не единичны. Так, в год 70-летия Победы с подачи директора Государственного архива РФ С. Мироненко на сайте этого учреждения были выложены документы, якобы доказывающие несостоятельность истории о подвиге 28 героев-панфиловцев. Предвзятая интерпретация этих документов возмутила многих, особенно в России и Казахстане, многих она, к сожалению, и дезориентировала. Эта попытка скомпрометировать героев битвы под Москвой была осуждена в целом ряде публикаций (в «Литературной газете», «Советской России», на сайтах Интернета и т. д.).

Чтобы придать политическим текстам определенную окраску, часто даже русофобского толка, в них помещают искаженные научные факты, вводящие читателя в заблуждение. Так, Ю. С. Пивоваров в своем интервью журналу «Профиль» прямо заявил: «Тот же Александр Невский — одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчашь... А Ледовое побоище — всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором Невский повел себя как бандит, напав большим числом на горстку пограничников. Так же неблагородно он поступил и в Невской битве, за что и стал Невским. В 1240 году он, пробравшись в ставку шведского ярла, правителя Биргера, сам выбил ему копьем глаз, что среди рыцарей считалось не комильфо» [Цит. по: Спицын, 2016].

Как отмечает в этой связи Е. Спицын, «во всех русских летописях „лицом“ назывался передовой строй своего или неприятельского войска, а не физиономия конкретного исторического персонажа, поэтому, когда летописец писал, что „Олександр самому королеви Бергелю возложил печать на лице острым своим копием“, то он имел в виду, что в ходе Невской битвы новгородские „копейщики“ во главе с князем Александром Невским смяли „шведский (лицевой)“ строй, а затем потопили несколько шведских кораблей и разгромили их базовый лагерь, уничтожив там „золотоверхий шатер“ королевского ярла и шведского епископа» [Там же].

За последние 20—25 лет появилось много публикаций, авторы которых всячески пытаются поставить под сомнение подвиги героев войны. Под предлогом разоблачения сталинской пропаганды шельмованию подвергаются такие дорогие для всех нас имена, как Александр Матросов и Лиза Чайкина, Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло и многие, многие другие.

Эта антироссийская кампания продолжается и на телевидении. «В обычные дни, — отмечает В. Т. Третьяков, — наше телевидение показывает множество голливудских боевиков, в которых *хорошим парням* из ЦРУ противостоят плохие парни из КГБ или подобных структур. Однако когда наступают праздничные дни, *хорошими парнями* оказываются уже наши военные, а *плохими — американцы*» [Третьяков 2015: 576]. Заметим, кстати, что обычных дней в году больше, чем праздничных. В результате антироссийских продуктов на каналах ТВ оказывается на порядок выше, чем пророссийских.

Последний пример, хотя и не относится к политическому дискурсу, тем не менее вполне может использоваться для демонстрации политического воздействия на адресата и формирования его фоновых знаний.

В заключение отметим следующее.

Содержанием научного дискурса является научная информация, передаваемая квалифицированными специалистами. Используемые языковые знаки, как правило, выражают прямые предметно-логические значения, в текстах преобладает рациональная оценка информации, которая детерминирована логико-понятийной формой исторического мышления.

Адресат воспринимает научный текст, всесторонне осмысливая его содержание, иногда вступая в полемику с автором, и при наличии необходимого предварительного запаса информации расширяет собственный запас знаний. В научном дискурсе текст оказывается в системе других текстов, и его научная значимость определяется в координатах этой системы текстов.

Текст, циркулирующий в политическом дискурсе, априори может в отдельных случаях нести научную информацию, но реализует он прежде всего коллективно-регулятивную функцию и направлен на то, чтобы с помощью информационного оформления различных фактов и событий формировать к ним выгодное адресанту отношение адресата.

В политическом дискурсе текст выражает определенную политическую или общественную позицию, которой противостоят (или могут противостоять) другие тексты, выражающие иные, часто полярные оценки, по-

зиции. Тот текст оказывается наиболее эффективным, который в большей степени воздействует на адресата.

Таким образом, политический дискурс отражает политическую борьбу внутри социума и на мировой арене, а автор политического текста оказывается активным участником политической борьбы, и в этой борьбе ему противостоят его политические оппоненты. В политическом дискурсе на первое место выдвигается не требование убедительного и всестороннего доказательства тех или иных положений, а воздействие на мнение аудитории, манипулирование сознанием адресата путем изменения его взглядов на политические события в стране и за рубежом, часто безапелляционное использование таких аргументов, которые вообще не имеют ничего общего с реальной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России : дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2016. 1136 с.
2. Бернейс Э. Пропаганда. — М. : Гиппо Паблишинг, 2010. 166 с.
3. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. — М. : Высшая школа, 1967. 376 с.

L. A. Gavrilov
Moscow, Russia

POLITICAL DISCOURSE VS. SCIENTIFIC DISCOURSE

ABSTRACT. *The comparison of scientific and political discourses is intended to reveal a cognitive dissonance existing in their content and functions. If a scientific information subject serving as an exponent of entitative qualities and laws addresses his text to the skilled professionals in a definitive domain of science, a political information subject implements in his text the impact function of definitive political quarters on an addressee. As a result, if in a scientific discourse it's a rational estimation of features and facts that dominates and the author aims for a total objectivity of his thoughts, in a political discourse an addressant consciously distorts the objective truth and in some cases even manipulates the addressee's consciousness if it answers his political purposes (the article contains corresponding examples). That's why in a political discourse dominate linguistic signs expressing figured but not logical significations reflecting the political reality.*

KEYWORDS: addressant; addressee; scientific discourse; political discourse; impact function; evaluation class; cognitive dissonance.

ABOUT THE AUTHOR: Gavrilov Lev Alexeevich, Candidate of Philology, Professor, Professor of French language Department of Military University of the Defense Ministry, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Aleksandrov K. M. Generalitet i ofitserskie kadry vooruzhennykh formirovaniy Komiteta osvobozhdeniya narodov Rossii : dis. ... d-ra ist. nauk. — SPb., 2016. 1136 s.
2. Berneys E. Propaganda. — M. : Gippo Publishing, 2010. 166 s.
3. Budagov R. A. Literaturnye yazyki i yazykovye stili. — M. : Vysshaya shkola, 1967. 376 s.
4. Gavrilov L. A. Stilistika frantsuzskogo yazyka : ucheb. posobie. — M. : Voennyy universitet, 2004. 196 s.
5. Kostomarov V. G. Lingvisticheskiy status massovoy kommunikatsii i problemy «gazetnogo yazyka» // Psikhologivsticheskie problemy massovoy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1974. S. 48—57.
6. K'ezza Dzh. Ya — patriot Evropy // Zavtra. № 11 (1163). URL: <http://zavtra.ru/content/view/ya-patriot-evropyi/> (data obrashcheniya: 01.04.2016).
7. Notkina E. A. Pragmatics aspect nauchnogo diskursa // Aktual'nye problemy prepodavaniya kursa perevoda v vuze : materialy mezhvuz. nauch. konf. — M. : Perevodcheskiy fakul'tet AFSB, 2009. 512 s.
8. Sidorov E. V. Ontologiya diskursa. — M. : Librokom, 2009. 232 s.
9. Subetto A. I. Predatel'stvo samoy nauki // Sovetskaya Rossiya. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=602367> (data обращения: 01.04.2016).
10. Tereshchenko A. S. Abakumov. Zhizn', SMERSh i smert'. — M. : Akva-tsentr, 2012. 488 s.
11. Tondl L. Problemy semantiki. — M. : Progress, 1975. 484 s.
12. Tretyakov V. G. Teoriya televideniya : kurs lektsiy. — M. : Ladomir, 2015. 664 s.
13. Khozin M. Vlasovshchina pereshla granitsy // Sovetskaya Rossiya. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=602366&page=2> (data obrashcheniya: 01.04.2016).
14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Сидоров.